

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2542-1271

№1(101)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

МОСКВА, 2026

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам СІ международной
научно-практической конференции*

№ 1 (101)
Январь 2026 г.

Издаётся с ноября 2016 года

Москва
2026

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

Н34

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Жамулдинов Виктор Николаевич – канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического университета, Республика Казахстан;

Нестеренко Алена Юрьевна – канд. культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Фролова Юлия Сергеевна – д-р соц-х наук, профессор, зав. кафедрой Гуманитарных дисциплин и английского языка Каспийского института морского и речного транспорта филиала ФГБОУ ВО «ВГУВТ».

Н34 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология:
сб. ст. по материалам СІ междунар. науч.-практ. конф. – № 1 (101). – М.:
Изд. «МЦНО», 2026. – 62 с.

ISSN 2542-1271

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 71+80+85

ISSN 2542-1271

© «МЦНО», 2026

Оглавление

Статьи на русском языке	5
Раздел 1. Искусствоведение	5
1.1. Изобразительное и декоративноприкладное искусство и архитектура	5
БРЕНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИЛОЙ СРЕДЫ	5
Алиева Рена Интизар кызы	
Житинева Алина Андреевна	
«КУЛЬТУРНОЕ ПЕРЕПРОФИЛИРОВАНИЕ» И «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ» ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	16
Алиева Рена Интизар кызы	
Кротова Марина Константиновна	
1.2. Теория и история искусства	26
ФИЛОСОФСКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА	26
Колесникова Людмила Анатольевна	
Раздел 2. Документальная информация	34
2.1. Информационные системы и процессы	34
ZENLESS ZONE ZERO: АНАЛИЗ КОНТЕНТА ИГРЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МОДЕЛИ ВЕРОЯТНОСТИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ	34
Пономарев Николай Андреевич	
Раздел 3. Литературоведение	39
3.1. Русская литература	39
ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ КАК НОСИТЕЛЬ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ТУРГЕНЕВА)	39
Турсынбаева Дильфузада Максетовна	

Раздел 4. Языкоzнание	44
4.1. Русский язык	44
ТЕМЫ ИЗГНАНИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ) ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ: «ЗУЛЕЙХА ТКРЫВАЕТ ГЛАЗА» И «ДЕТИ МОИ» Аят Юсуф Салех	44
Articles in English	55
Section 1. Linguistics	55
1.1. Comparative-historical, typological and contrastive linguistics	55
LEXICAL-SEMANTIC WORD GROUPS AND THEIR ROLE IN LINGUISTIC ANALYSIS Nasibova Gulnara Shamaddin	55

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

1.1. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНОПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

БРЕНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИЛОЙ СРЕДЫ

Алиева Рена Интизар кызы

канд. искусствоведения, доц.,
Российский Государственный художественно-промышленный
университет имени С.Г. Строганова –
РГХПУ им. С.Г. Строганова,
РФ, г. Москва

Житинева Алина Андреевна

магистрант,
Российский Государственный художественно-промышленный
университет имени С.Г. Строганова –
РГХПУ им. С.Г. Строганова,
РФ, г. Москва

BRANDING AS A TOOL FOR CREATING THE IDENTITY OF A RESIDENTIAL ENVIRONMENT

Alieva Rena

*Candidate of Art Histiry,
departmen Russian State Artistic and Industrial
University named after S.G. Stroganov – RGHPU,
Russia, Moscow*

Zhitineva Alina Andreevna

Postgraduate student,

Russian State Artistic and Industrial

University named after S.G. Stroganov – RGHPU,

Russia, Moscow

Аннотация. Статья раскрывает понятие брендинга жилых комплексов, играющие ключевую роль в общественной жизни, формируя облик города; служат площадкой для выражения ценностей и приоритетов горожан, помогая поддерживать и развивать идентичность города, отраженную в его бренде.

Abstract. The article explores the concept of branding residential complexes, which play a key role in public life, shaping the image of the city. They serve as a platform for expressing the values and priorities of city residents, helping to maintain and develop the city's identity, as reflected in its brand.

Ключевые слова: брендинг, жилые комплексы, идентичность.

Keywords: branding, residential complexes, identity

В настоящее время, в условиях усиливающейся визуальной городской застройки и утраты территориальной идентичности, формирование осмысленного колористического образа жилой среды становится не эстетической опцией, а необходимостью. Одним из эффективных решений задачи выступает визуальный брендинг. Специалисты стремятся выявить универсальные принципы и семантические коды для создания и формирования культурного колористического имиджа.

Наличие системы цветовых традиций и их уникальных черт наглядно демонстрирует связь с духовной и материальной культурой народа, нации, социальной группы, отдельного человека. По мере усиления глобальных связей колористическое наследие переходит в разряд общечеловеческого достояния, выполняя две важнейшие функции: сохранение общекультурного наследия и создание основы для его дальнейшего развития [2].

Термин «брендинг» характеризует процесс создания уникального имиджа и идентичности какого-либо продукта, услуги или компании с целью привлечения и удержания внимания человека. Данный параграф посвящен исследованию брендинга как инструменту формирования целостного образа жилой среды.

В основе применения брендингового подхода лежит концепция колористического кода территории – уникальной, концептуально обоснованной

палитры, выполняющей роль ДНК места. Этот код складывается из различных факторов, таких как: природно-климатические условия, культурно-исторические особенности, социально-эмоциональный аспект, сценарий использования и функциональность пространства.

Так, Д.Н. Замятин в книге «Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике» отмечает, что детальная количественная и качественная оценка имиджевых ресурсов территории необходима для разработки эффективного имиджа и геокультурного бренда территории. Правильно проведённый брендинг территории способствует культурным, социальным и экономическим инновациям, наиболее естественным и органичным для данной территории. Геокультурный бренд территории является её стратегическим активом [3, с. 7].

Важно отметить, что термин брендинг в контексте жилых комплексов – это не просто дизайн фасадов или оформление пространств, а системная работа по кодированию смыслов в разных визуальных элементах, чтобы среда воспринималась как гармоничное, запоминающееся и комфортное место для жизни.

В современном проектировании интерьерной и экsterьерной среды главным приемом для создания образа, несомненно, является цвет. Колористическая идентичность служит стратегическим инструментом, выполняющий комплекс практических, эстетических и социальных задач. Ее роль заключается в создании уникальности и целостности. Цветовая палитра становится визитной карточкой места, объединяя разрозненную застройку в гармоничный ансамбль.

Так, ЖК «Алые Паруса» занимает исключительную локацию с панорамными видами на Москву-реку, Серебряный бор и Строгинскую пойму. Его архитектурный облик, выдержаный в теплой цветовой гамме, отсылающей к названию, формирует целостный и запоминающийся ансамбль, построенный по кирпично-монолитной технологии. Однако главной отличительной чертой является его самодостаточная инфраструктура, превращающая территорию в приватный клуб с двухуровневой набережной и собственным яхт-клубом с действующим маяком, который выступает как уникальный архитектурный атрибут. ЖК «Алые паруса» стал для жителей узнаваемым ориентиром, воплощает философию дома-гавани и служит не просто объектом, а ключом к пониманию всей концепции комплекса - «жизнь у реки». (рис.1)

Рисунок 1. ЖК «Алые паруса», арх. А. Трофимов, застройщик «Донстрой», Москва, 2001-2010

Элементы графики приобретают доминирующую роль в создании колористического образа, органично встраиваясь в архитектурно-пространственную среду. Графика стала неотъемлемой частью урбанистической среды, активно применяемой в маркетинговых стратегиях, социальном управлении и при внедрении новейших технологий. В городской среде она выполняет ряд ключевых функций: от рекламы и навигации до презентации инновационных архитектурно-технологических решений. Графический дизайн всё чаще становится самостоятельно важным художественным компонентом современной городской эстетики, отвечающий потребностям человека в новых формах, композициях и эмоциональных образах [4].

К примеру, жилой комплекс «Grand Deluxe на Плющихе» представляет собой образец премиальной неоклассики в историческом центре Москвы. Расположенный среди особняков, храмов и скверов, архитекторы сознательно выбирают путь гармоничного встраивания в окружающую среду. Отсылка к классической традиции выражается через дизайн фасада, где превалируют колоннады, лепной декор и «итальянская мозаика». Важным элементом фирменного стиля, работающим на идентичность, стала монограмма из первых двух букв названия ЖК («GD»). Этот графический знак интегрирован как в экстерьер, становясь деталью фасадного декора, так и в интерьеры общественных зон, подчеркивая целостность концепции. (рис.2)

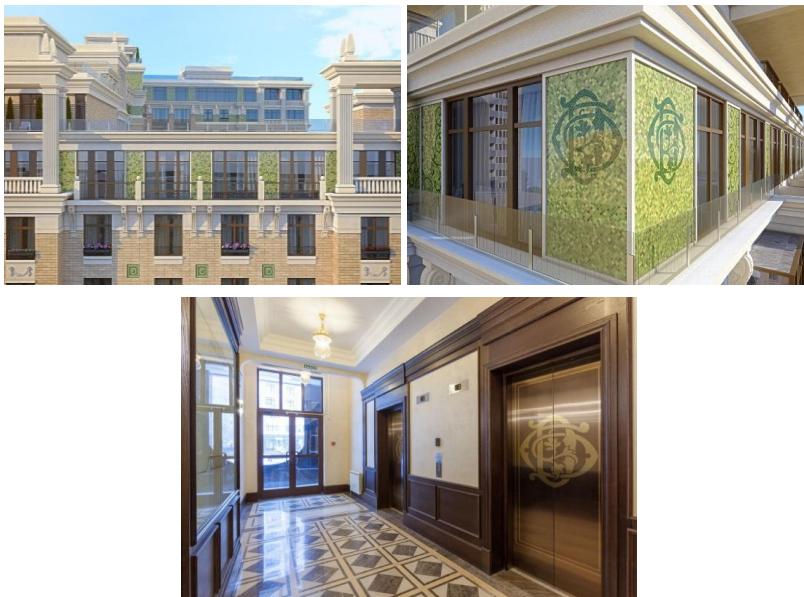

Рисунок 2. ЖК GRAND DELUXE на Плющихе, Донстрой, Москва, 2014

Также ярким примером является комплекс апартаментов «Технопарк», располагающийся на территории Западной Нагатинской поймы. Архитектурная индивидуальность каждой башни комплекса достигается за счет цветового решения и уникального фасадного паттерна, что предотвращает монотонность и усиливает колористическую образность.

Экстерьер выступает семиотической подсказкой и ключевой особенностью архитектурного образа. Облицовка украшена крупноформатными принтами – абстрактными графическими узорами, стилизующими орнаменты конструктивистских тканей 1920-30-х годов. Орнамент становится «архитектурной цитатой», напоминающей о промышленном и культурном наследии места. Цвет и графика выполняет здесь функцию архитектурной навигации. Каждая башня получает уникальный идентификационный маркер, позволяющий жителям и гостям легко ориентироваться в пространстве комплекса. (рис.3,4)

Рисунок 3. Комплекс апартаментов «Технопарк», SPEECH, авторы проекта: Сергей Чобан, Игорь Членов, Москва, 2015-201

Рисунок 4. Фрагмент паттернов для апартаментов «Технопарк», SPEECH, авторы проекта: Сергей Чобан, Игорь Членов, Москва, 2015-201

Интерьеры входной группы комплекса выполнены в современном индустриальном стиле, подчёркивающем технологичность и урбанистическую эстетику проекта. Использование перфорированных металлических панелей тёплого медного оттенка отсылают к

промышленному прошлому локации (ЗИЛ), а глянцевые чёрные панели создают контраст и добавляют глубину, натуральное дерево и сбалансированное освещение создают пространство, которое смягчает индустриальный характер. Это отражение философии самого комплекса – синтез прошлого и будущего, традиций и инноваций. (рис.5)

Рисунок 5. Интерьер входной группы, комплекс апартаментов «Технопарк», SPEECH, авторы проекта: Сергей Чобан, Игорь Членов, Москва, 2015-2017

Архитектурный облик ЖК «Silver» в Свиблово (СВАО) притягивает внимание своей идентичностью, благодаря оригинальным фасадным решениям. Ключевой идеей стало отражение уникального природного окружения: близости к Ботаническому саду и обширным паркам. Это наглядно отражается в применении декоративных фасадных панелей с флористическими паттернами, которые визуально превращает здание в элегантный арт-объект, вписанный в ландшафт.

Природный образ комплекса логично продолжается в детально проработанном световом дизайне территории. Вместо традиционных фонарных столбов, дизайнеры используют подсветку в виде деревьев. Металлические конструкции, имитирующие стволы и кроны, напрямую отсылают к мотивам сада, расположенного по соседству. (рис. 6, 7)

Рисунок 6. ЖК Silver, Development (АФИ Девелопмент), бюро SPEECH, паттерны - студия Артемия Лебедева, Москва, 2019

Рисунок 7. Подсветка в виде фонарных столбов для ЖК Silver, Development (АФИ Девелопмент), бюро SPEECH, паттерны - студия Артемия Лебедева, Москва, 2019

Материалы и фактуры через цвет создают тактильное восприятие бренда, а использование локальных традиционных для местности материалов усиливает аутентичность.

Так, проект «Тессинский, 1» от застройщика «Стрелецкая Слобода», представляет собой пример бережной интеграции современной архитектуры в исторический контекст. Анализ выявляет несколько ключевых принципов, обеспечивших успех реставрации. Новая часть здания концептуально «произрастает» из исторического фундамента, что создает нарратив непрерывного развития места. Это достигается не стилизацией, а использованием аутентичных материалов. Совмещение старого кирпича с клинкерным кирпичом и терракотой различных оттенков, которые продолжают общую тему, создает тонкий визуальный отход от прошлого, но подчеркивает новизну, архитектурная бронза вводит контрастный по цвету, фактуре и статусу материал. Патина создает «временную связку», делая вставки не инородным элементом, а естественным акцентом.

Внутренний двор решен как современная интерпретация итальянского патио: многоуровневая структура с лестницами и террасами создает строгую упорядоченность и камерность. Композиционным центром служит бассейн с фонтаном, предназначенный для отдыха и общения жителей. (рис. 8,9)

Рисунок 8. ЖК «Тессинский,1», застройщика «Стрелецкая Слобода», Сергей Скуратов, Москва, 2023

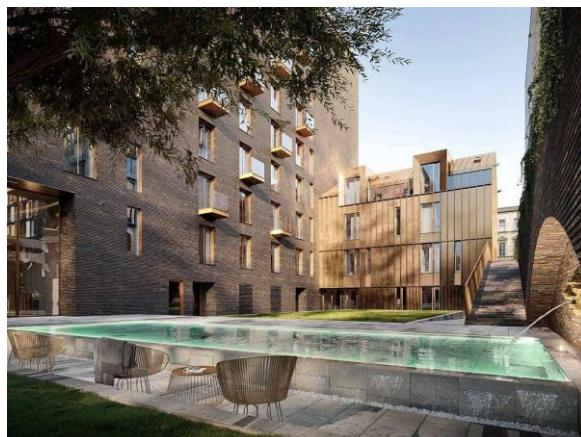

Рисунок 9. Бассейн с фонтаном, ЖК «Тессинский,1», застройщика «Стрелецкая Слобода», Сергей Скуратов, Москва, 2023

Малые архитектурные формы также играют важную роль в формировании запоминающегося образа жилой среды. Уникальные арт-объекты, скульптуры, фонтаны, детские площадки и другие элементы, выдержаные в общей стилистике, становятся визитными карточками

места, усиливая его узнаваемость и создавая точки притяжения. «Гармоничное сочетание малых форм и полифункциональность открытых пространств приводят к согласованию цвета и света в городской среде, позволяет рассматривать мегаполис как единый ансамбль, создавать живое пространство для общения как днем, так и ночью» [1, с. 38].

На территории жилого комплекса «Династия» реализована концепция изысканного благоустройства с использованием выразительных малых архитектурных форм, которые гармонично сочетаются с архитектурой зданий. Центральным элементом композиции выступает ротонда с классическими колоннами, которые создают ощущение торжественности. (рис.10)

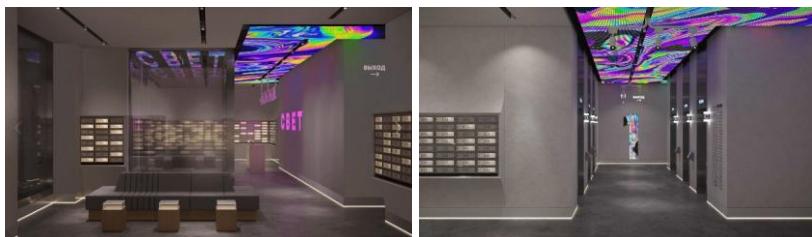

Рисунок 10. ЖК «Династия», ООО «Сезар Групп», Москва, 2023

Современные интерактивные световые инсталляции и медиафасады в жилой среде «как родственные жанры превратились в постоянные интерфейсы для коммерческого брендинга и привлечения покупателей. При этом ценность архитектурного освещения определяется его семиотической функцией, а также сценографическими и сюжетными качествами, создающими впечатляющие образы. Медиафасады устранили многие ранее существовавшие различия между архитектурным освещением и графикой движения. Социальные медиаплатформы теперь являются важными каналами для обмена яркими впечатлениями о бренде» [1, с. 69].

Концепция лобби жилого комплекса «Свет», разработанная студией Fruit Design Studio, построена вокруг идеи, что свет и цвет становятся ключевыми элементами, формирующими атмосферу и задающими настроение пространства.

Дизайн лобби сочетает в себе технологичность и функциональность: встроенная LED-подсветка и гобо-проекторы выполняют практическую функцию – помогают ориентироваться в пространстве, выступая в роли навигационных элементов. Особенностью концепции является сценарное освещение в сочетании со звуковым сопровождением. Благодаря такому решению лобби каждый раз предстаёт перед жильцами и гостями в новом облике, создавая динамичную и живую атмосферу. (рис.11)

*Рисунок 11. Лобби ЖК «Свет», арх. бюро СПИЧ,
FRUIT DESIGN STUDIO, Москва, 2025- 2028*

Таким образом, уникальная цветовая палитра жилых комплексов становится важным аспектом гордости местных жителей и играет ключевую роль в формировании их локальной идентичности. Она помогает чувствовать связь с окружающим пространством и способствует созданию социальных взаимодействий, основанных на брендинге.

Список литературы:

1. Алиева Р.И. Малые архитектурные формы в формировании открытых пространств городской среды: диссертация кандидата искусствоведения: 5.10.3 /Алиева Рена Интизар кызы; [Место защиты: РГХПУ им. С.Г. Страганова]. - Москва, 2022.
2. Ефимов А.В. и др. Дизайн архитектурной среды: Учеб. Для вузов / Г.Б. Минервин, А.П. Ермолаев, В.Т. Шимко, А.В. Ефимов, Н.И. Щепетков, А.А. Гаврилина, Н.К. Кудряшев – М.: Архитектура-С, 2005 – 504 с., ил.
3. Д.Н. Замятин Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. /Санкт-Петербург, Издательство: Алетейя, 2020 – 739 с.
4. Фегельхаймер А.А., ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН В ФОРМИРОВАНИИ ОБЛИКА ГОРОДА./Международный научный журнал «Вестник науки», №3,(3) 2018. – текст: электронный/ Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskiy-dizayn-v-formirovaniii-oblika-goroda/viewer> / (дата обращения: 21. 12. 2025)

«КУЛЬТУРНОЕ ПЕРЕПРОФИЛИРОВАНИЕ» И «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ» ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Алиева Рена Интизар кызы

канд. искусствоведения, доц.,

Российский Государственный художественно-промышленный

университет имени С.Г. Строганова –

РГХПУ им. С.Г. Строганова,

РФ, г. Москва

Кротова Марина Константиновна

магистрант,

Российский Государственный художественно-промышленный

университет имени С.Г. Строганова –

РГХПУ им. С.Г. Строганова,

РФ, г. Москва

"CULTURAL REPURPOSING" AND "SECOND LIFE" OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Alieva Rena

Candidate of Art Histiry, departmen

Russian State Artistic and Industrial

University named after S.G. Stroganov – RGHPU,

Russia, Moscow

Krotova Marina Konstantinovna

Postgraduate student

Russian State Artistic and Industrial

University named after S.G. Stroganov – RGHPU,

Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается проблематика сохранения объектов культурного наследия и выявляются понятия «культурное переопределение» и «вторая жизнь», означающие сохранение истории, возрождение русских традиций, духовных ориентиров, способствующее

преодолению равнодушия, проявляемого сегодня, и исправляет ситуацию с их ненадлежащим содержанием.

Abstract. The article examines the problem of preserving cultural heritage sites and identifies the concepts of «cultural repurposing» and «second life», which mean preserving history, reviving Russian traditions and spiritual guidelines, helping to overcome the indifference shown today, and correcting the situation with their inappropriate maintenance.

Ключевые слова: культурное перепрофилирование, вторая, жизнь, объекты культурного наследия.

Keywords: cultural repurposing, second life, cultural heritage sites.

«Вторая жизнь» – это осознанный уход от философии одноразового использования».

Б. Шульц [4, с. 16].

В настоящее время исторические объекты, которые несколько веков собирали многообразные традиции и обычаи русского народа, находятся в упадке, многие в состоянии руин; русские традиции теряются, общество забывает свое богатое наследие. Существует необходимость переосмыслиния и выявления понятий **«культурного перепрофилирования»** и **«второй жизни»** объектов культурного наследия.

Оба понятия имеют общую данность – соединение настоящего и прошлого, когда объект обретает новое значение и сохраняет традиционное прошлое. Но в чем же отличие? Постараемся разобраться в этом вопросе и вникнуть в глубину и сложность проблемы сохранения культурного наследия.

В течении времени архитектура обретала «второе дыхание», когда владельцы объектов сменялись и каждый определял его новое значение. Иногда перемены были не очень заметны, а порой менялось абсолютно все: экsterьер и интерьер объекта, а также его смысловое значение. Новые собственники, не обладающие осознанием важности охраны строительных объектов, оставшихся от предков, делали их актуальными для современников, создавая некую конверсию, подтверждающую право на существование различных подходов актуализации.

Понятие **«культурного перепрофилирования»** тесно пересекается с реконструкцией и ревитализацией, происходящие в ответ на потребности времени и возникшие обстоятельства, порой не как осмысленный акт адаптации. Безусловно, существовали особые чувства по отношению к историческим памятникам, своего рода сакральное уважение. К примеру, применение религиозных сооружений для светских целей

считалось осквернением в глазах предыдущих поколений. Исключение составляли случаи сознательного переосмыслиения, как, например, использование церквей как конюшен и складов во время походов Наполеона. В большинстве случаев религиозные сооружения и другие уважаемые здания могли просто приходить в упадок, нежели использоваться не по назначению. При этом их разрушение воспринималось как естественный процесс в их жизненном цикле [4, с. 8].

Тем самым, функциональные строения, такие как загородные виллы, усадьбы, крепости и даже хорошо сохранившиеся их руины, всегда использовались для практических нужд до тех пор, пока их конструкции оставались прочными. Эти сооружения постоянно перестраивались, подвергались изменениям и реконструкциям на протяжении многих столетий. Таким образом, функциональность и необходимость в использовании исторических объектов привели к их постоянному изменению и адаптации к новым условиям, что сделало их объектами **«культурного перепрофилирования»**.

В настоящее время тема **«культурного перепрофилирования»** становится все более актуальной; попытка соединить настоящее и прошлое в объекте нередко заканчивается тем, что первое оказывается лидирующим и затмевает ту историю, которая была в этом пространстве. Многие историки и исследователи анализируют данный вопрос. Так, И.В. Краснобаев отмечает: «Как сохранить адекватность историческому прошлому, исключив самоуправство хозяев в отношении того, что является общественной ценностью?» [5].

Н.О. Душкина, рассуждая о сохранении первоначального замысла объекта, утверждает, что «краеугольным камнем по отношению к наследию является подлинность, которая подвергается риску при адаптации здания к новой функции <...> В тех случаях, когда сохранить первоначальное назначение здания невозможно, важно подобрать функцию, близкую по смыслу и не требующую значительных перестроек» [2, с. 40].

Наиболее распространенные формы перепрофилирования – это использование существующих зданий под жилую, торговую, учебную и музейную среду.

Зарубежные примеры «культурного перепрофилирования»

1. **«Crystal Houses» в Амстердаме** (арх. бюро MVRDV) – историческое здание XIX века, перепрофилированное в жилой и торговый центр (рис. 1)

Цель:

- сохранить самобытность здания и вписать его в исторический район, сделав объект образцовой моделью.

Задачи:

- внедрение инновационных стеклянных блоков в реконструкцию фасада.

*Рисунок 1. Торговый и жилой комплекс «Crystal Houses».
Архитектурное бюро MVRDV. Амстердам, Голландия*

2. Школа танцев «Siobhan Davies» в Лондоне (арх. С. Уигглсворт) – историческое здание, перепрофилированное в современную студию танцев (рис. 2)

Цель:

- многоплановое использование здания в историческом районе, играющего важную роль в лондонской культурной среде.

Задачи:

- внедрение многоцветных элементов из стекла.

*Рисунок 2. Здание школы танцев «Siobhan Davies».
Арх. С. Уигглсворт. Лондон, Англия*

3. **Флорентийская вилла Демидовых в Сан-Донато** (арх. Дж. Б. Сильвестри, 1827-1831 гг.), перепрофилированная в оранжерею, зоопарк, конюшни и театр. (рис. 3)

Цель:

- сохранение усадебных функций здания и добавление новых для удобства владельцев.

Задачи:

- внедрение новейших каркасно-стеклянных конструкций.

*Рисунок 3. Флорентийская вилла Демидовых
Архитектор Дж. Б. Сильвестри. Флоренция, Италия*

Отечественные примеры «культурного перепрофилирования»

1. «Фабрика Станиславского» в Москве (арх. бюро John McAslan + Partners), перепрофилированная в офисный центр, отель, ресторан и жилые корпуса (рис. 4)

Цель:

- ревитализация исторического объекта с сохранением театральной среды.

Задачи:

- внедрение светопрозрачных конструкций в экстерьер и интерьер здания.

Рисунок 4. Фабрика Станиславского.
Архитектурное бюро John McAslan+Partners. Москва, Россия

2. Усадьба Скорняково-Архангельское в Липецкой области (арх. А. Шкрапкин), перепрофилированная в отель, ресторан и пространство для мероприятий. (рис. 5)

Цель:

- восстановление исторического объекта и возрождение традиций.

Задачи:

- использование местного кирпича и внедрение конструкций из стекла.

*Рисунок 5. Усадьба Скорняково-Архангельское.
Автор А. Шкрапкин, Липецкая область, Россия*

3. Усадьба Хвалевское в Вологодской области (арх. В. Качалова, Ю. Войцеховский), перепрофилированная в музей, культурный центр и в пространство для праздников и фестивалей. (рис.6)

Цель:

- восстановление исторического объекта, его самобытности, характерной для архитектуры Русского Севера.

Задачи:

- ревитализация исторических интерьеров, внедрение элементов из бетона.

*Рисунок 6. Усадьба Хвалевское.
Архитекторы В. Качалова и Ю. Войцеховский,
Вологодская область, Россия*

Приведенные отечественные и зарубежные примеры порождают уверенность в том, что перепрофилирование в культурных целях наиболее предпочтительно для старых зданий, так как оно не подразумевает сильных изменений их исторической субстанции. В своей статье Б. Шульц отмечает: «Перепрофилирование построек призвано в целом стереть тень эпохи, но не стереть ее историю <...> Поэтому так велико количество музеев и выставочных пространств, открывшихся в последние десятилетия....» [4, с.14].

Так, перепрофилирование усадебных комплексов в музеи является довольно обычной сменой назначения, которая стала на сегодняшний день популярной. Сохранившиеся усадьбы получают «вторую жизнь» с культурным наполнением. Две основные тенденции в развитии современного общества способствовали этому процессу: растущая потребность в новых культурных объектах и все более глубокое осознание ценности исторических свидетельств, зафиксированных в памятниках культурного наследия.

И.Ю. Яровой пишет:

«Еще в советское время в кругу музеев-усадеб едва ли не самыми распространенными стали мемориальные усадьбы, принадлежавшие в свое время выдающимся деятелям отечественной культуры.

Это общеизвестные усадьбы Пушкинского заповедника, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, усадьба Хвалевское в Вологодской обл. и многие другие. Особое внимание государства именно к ним, при общем его невнимании к усадебному наследию, стало еще одной чертой своеобразия российского опыта использования усадеб» [6]. (рис. 7,8)

*Рисунок 7. Музей-заповедник «Михайловское».
Архитектор В.А. Мазурин. Псковская область, Россия*

*Рисунок 8. Музей-заповедник «Тарханы».
Архитектор Ф.Г. Дубровин. Пензенская область, Россия*

В контексте исследования русских усадеб понятие **«вторая жизнь»** наиболее применимо т.к., на наш взгляд, оно представляет собой более осмысленный образ – путь как объекта культурного наследия: исследование, ревитализация, сохранение. Усадебные комплексы необходимо оберегать не только в целях коммерции, но также из-за их культурной и исторической значимости. Т.П. Григорьева в своем труде отмечает:

«Новое не может существовать за счет старого, но оно существует благодаря старому, произрастает из него» [1, с. 63].

В настоящее время, так называемые «модные тенденции», оказывают значительное влияние на объекты культурного наследия в России.

Прочно укоренившееся протестантское восприятие объектов как целостных организмов требует, чтобы они были чистыми, свежими и неизменными – то есть, новыми. Тем не менее, это бытовое представление не является основной причиной для реставрации и ревитализации объектов культурного наследия; движущей силой выступает скорее глубинное стремление к коммерческим целям.

Итак, **«культурное перепрофилирование»** – это поддержание внешнего вида и состояния исторических объектов с культурным наполнением. **«Вторая жизнь»** – это сохранение истории объектов, традиций, духовных ориентиров, их осмысления и передачи новым поколениям.

Следовательно, необходимо выявлять новые подходы актуализации в отношении объектов культурного наследия, а именно путем **научной ревитализации**.

Список литературы:

1. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М: Наука, 1971. – 570 с.
2. Душкина Н.О. За и против // SPEECH: вторая жизнь.2008. № 2
3. Шимко В.Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование городской среды. – Москва : «Архитектор–С». 2006. – 384 с.
4. Шульц Б. Вторая жизнь // SPEECH: вторая жизнь.2008. № 2.
5. Краснобаев И.В. Сохранение и использование сельских дворянских усадеб в современной России: проблемы и перспективы. <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-ispolzovanie-selskih-dvoryanskih-usadeb-v-sovremennoy-rossii-problemy-iperspektivy/viewer> (дата обращения: 09.01.2025).
6. Яровой И.Ю. Современное использование усадеб: опыт систематизации <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-ispolzovanie-usadeb-opyt-sistematisatsii/viewer> (дата обращения: 09.01.2025).

1.2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ФИЛОСОФСКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Колесникова Людмила Анатольевна

проф.,

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
Луганская государственная академия культуры
и искусств имени Михаила Матусовского
РФ, г. Луганск*

PHILOSOPHICAL AND AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF N.A. RIMSKY-KORSAKOV'S MUSICAL ANTHROPOLOGY

Kolesnikova Lyudmila

Professor,

*Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after Mikhail Matusovsky,
Russia, Lugansk*

Аннотация. Статья посвящена исследованию философско-аксиологических оснований музыкальной антропологии Н.А. Римского-Корсакова. На примере ключевых оперных произведений композитора («Садко», «Снегурочка», «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии») в работе проводится мифopoэтический и нарративно-семиотический анализ его творчества как целостного акта композиторского мифотворчества. В результате выявляется специфическая «звуковая модель космогонии», которая интерпретируется как динамический процесс порождения культурного космоса. В этой модели музыкальный язык служит инструментом трансформации архаических стихийных начал в упорядоченную гармонию национального мироздания, что раскрывает

глубинные связи между музыкальной практикой, ценностными системами и формированием национальной картины мира.

Abstract. The article is devoted to the study of the philosophical and axiological foundations of N.A. Rimsky-Korsakov's musical anthropology. Using the example of the composer's key operatic works («Sadko», «The Snow Maiden», «The Legend of the Invisible City of Kitezh and the Maiden Fevronia»), the paper conducts a mythopoetic and narrative-semiotic analysis of his work as an integral act of composer myth-making. As a result, a specific «sound model of cosmogony» is revealed, which is interpreted as a dynamic process of generating a cultural cosmos. In this model, musical language serves as a tool for transforming archaic elemental principles into an ordered harmony of the national universe, revealing deep connections between musical practice, value systems and the formation of a national worldview.

Ключевые слова: Н.А. Римский-Корсаков, музыкальная антропология, философия музыки, аксиология, опера, мифотворчество, космогония, звуковая модель, национальная картина мира, русская культура.

Keywords: N.A. Rimsky-Korsakov, musical anthropology, philosophy of music, axiology, opera, myth-making, cosmogony, sound model, national worldview, Russian culture.

Музыкальное искусство XIX века в России стало не только отражением эстетических исканий, но и формой философской рефлексии, в которой воплощались глубинные антропологические и аксиологические смыслы. В творчестве композиторов «Могучей кучки», и особенно Н.А. Римского-Корсакова, музыка приобретает характер целостного мировоззренческого высказывания, синтезирующего народные традиции, мифологию, религиозные представления и философские идеи.

Актуальность исследования продиктована комплексом социокультурных вызовов современности. В условиях нарастающей культурной глобализации и стандартизации происходит неизбежное размывание уникальных национальных кодов и ценностных систем. В этой связи возрастаёт острая потребность в глубоком осмыслиении, сохранении и актуализации богатейшего национального культурного наследия, выступающего фундаментом коллективной идентичности. Поиск устойчивых духовных ориентиров и формирование осознанной культурной идентичности становятся не только академической, но и общественно-значимой задачей. Музыкальное искусство, в силу своей способности транслировать иррациональные смыслы и глубокие коллективные чувства, занимает в этом процессе особое место. Творчество

Н.А. Римского-Корсакова представляет собой выдающийся и концептуально завершенный пример того, как музыка поднимается до уровня целостной философско-антропологической системы. Его произведения служат не просто отражением, но активным средством выражения и формирования национального самосознания, воплощая в сложных звуковых образах ключевые этические идеалы, мифопоэтические архетипы и глубокие философские концепции, укорененные в русской картине мира. Изучение его наследия позволяет деконструировать механизмы, с помощью которых искусство участвует в конструировании культурной реальности и ценностного универсума нации.

Основной целью данной статьи является последовательное выявление и теоретическая реконструкция философско-аксиологических оснований музыкальной антропологии, имплицитно представленной в творчестве Н.А. Римского-Корсакова. Для достижения этой цели в работе ставятся следующие задачи: провести анализ ключевых элементов его композиторского стиля и музыкального языка как носителей мировоззренческого содержания; исследовать, каким образом этические, эстетические и национальные ценности находят свое конкретное воплощение в системе музыкальных средств (гармонии, оркестровке, лейтмотивной технике, работе со словом); определить специфическую роль этих философско-аксиологических оснований в сложном процессе конструирования целостной и самобытной национальной картины мира, которая, благодаря силе искусства, продолжает оказывать воздействие на культурное сознание и в современную эпоху.

Музыкальный язык Н.А. Римского-Корсакова формирует уникальную художественно-философскую систему, где каждый технический элемент подчинен задаче воплощения аксиологических и антропологических смыслов. Так, его ладогармоническая система служит прямым выражением пантеистического миросозерцания, выступая аудиальным аналогом мироздания. Композитор выстраивает bipolarную гармоническую картину: с одной стороны, чистая диатоника и натуральные лады (лидийский, миксолидийский, фригийский) обращаются к архаическим, дохристианским пластам сознания, символизируя светлое, ясное начало и природную гармонию; с другой – сложная хроматика, целотонные и уменьшенные лады становятся звуковым воплощением иррационального, таинственного и демонического, олицетворяя область волшебства и потусторонних сил. Эта дихотомия отражает фундаментальную мировоззренческую оппозицию светлого и темного, природного и магического, космического порядка и стихийного хаоса.

Оркестровка и колорит у Н.А. Римского-Корсакова возводятся в ранг философии звукового миросозерцания. Его знаменитый «звуковой

«колоризм» основан на глубоком антропоморфном и пантеистическом восприятии мира, где вся природа одушевлена. Каждый инструмент или группа наделяются устойчивой символической функцией, становясь «персонажами» мировой драмы: струнные олицетворяют человеческое, лирическое начало; деревянные духовые – природу и волшебство; медные – героическое, эпическое или демоническое. Принцип звукоизобразительности, позволяющий передавать через оркестровую фактуру блики света, плеск волны или шелест листвы, является не просто техническим приемом, но проявлением философии всеединства, устанавливая мистическую связь между звуком и сущностью явления. Этот подход находит объяснение в концепции пантеизма: «Концепция русского пантеизма в творчестве Н.А. Римского-Корсакова содержит понимание сущности природы, ее очеловечивание, особую модель взаимоотношений природы и человека» [1, с. 16].

Мелодический стиль и работа со словом непосредственно воплощают народный дух и этические категории. Пластичная, распевная вокальная мелодика, построенная на принципах народной песенности, отражает идею соборности и коллективного народного сознания. Бережное отношение к поэтическому слову, точная музыкальная декламация демонстрируют уважение, к Слову, как носителю высшей мудрости и правды, следя традиции, идущей от знаменного распева. Лейтмотивная система у композитора функционирует как система звуковых архетипов (природы, любви, предостережения), организующая драматургию на мифологическом уровне и сближающая оперное действие с архаическими формами познания мира.

Мировоззрение Н.А. Римского-Корсакова находит завершенное выражение и в макроструктуре произведений. Циклическая и вариантическая логика развития, отказ от жестких схем сонатной формы в пользу сквозного, нарративного развертывания отражают мифологическое, нелинейное восприятие времени, характерное для народного сознания. Более того, все его сказочно-мифологические оперы складываются в единое сверхпроизведение – грандиозный национальный миф о вечном противостоянии и взаимодействии светлых и темных сил, человека и природы. Этот миф содержит ряд архетипических мотивов: «Конфликт сюжетной линии исходит из концепции «двоемирья» и проявляется в угрозе мировой стабильности из-за нарушения границ между мирами, появления среди людей «иномирной» девы и чувства любви «земного» героя к ней. Женский лирический образ наделяется различной знаковой темой в соответствии со сказочным или реалистическим сюжетом [2, с. 3].

Установив, что музыкальный язык Н.А. Римского-Корсакова является целостной семиотической системой, транслирующей его мировоззрение, закономерно перейти к конкретному анализу того, каким именно образом ключевые этические, эстетические и национальные ценности обретают плоть и кровь в этой системе, получая точное и узнаваемое воплощение через конкретные музыкальные средства. Это позволяет перейти от декларации философско-антропологических оснований к изучению их практической реализации в композиторской технике, раскрывая механизмы превращения идеи в звуковой образ.

Исследование этого процесса требует детального рассмотрения инструментария композитора, где каждая техническая особенность служит проводником определенной ценностной доминанты. Так, гармония и лад становятся для композитора не просто элементами музыкальной ткани, а прямым инструментом аксиологического кодирования. Например, устойчивая, диатоническая основа, часто опирающаяся на народные лады, становится звуковым эквивалентом таких категорий, как истина, чистота, естественный порядок и моральная стойкость. Этот гармонический язык ассоциируется с образами положительных героев, светлых сил и идиллических картин родной природы. Напротив, сложная альтерация, хроматические сдвиги и диссонансы воплощают начало зла, искушения, хаоса и нравственного падения, что мы наблюдаем в характеристиках Кащея, Морской царевны или зловещих эпизодах «Ночи перед Рождеством». Таким образом, сама звуковая материя через гармонический выбор выполняет этическую дифференциацию.

Параллельно оркестровка и тембр берут на себя функцию эстетической и натуралистической аксиологии. Новаторское использование Н.А. Римским-Корсаковым оркестровых красок подчинено задаче воплощения идеи красоты как вселенской гармонии и многообразия. Каждый тембр, от серебристого звона колокола до тёплого тембра английского рожка, становится носителем определенного эстетического идеала: повышенного, лирического, эпического или таинственного. Этот «цветной слух» композитора, где тональности и тембры имеют свою колористическую и эмоциональную ауру, напрямую связан с его пантеистическим восприятием мира, где красота растворена в каждой стихии и явлении. Национальная эстетика здесь проявляется в особой «русской» палитре тембров – например, в использовании народных инструментов, звуке колоколов или гуле колокольчиков, создающих акустический образ национального пространства.

Наконец, лейтмотивная техника и работа со словом выступают основными средствами для выражения национальных и этических ценностей нарративного порядка. Лейтмотивы у Н. А Римского-Корсакова –

это не просто музыкальные метки персонажей, а звуковые символы-концепты, несущие в себе целые пласти культурыных смыслов. Мотив «пророчества» или «роковой судьбы» (часто интонационно связанный с хроматическим нисходящим движением) воплощает идею судьбы и высшей справедливости. Мотивы родной природы (леса, реки, поля) становятся лейттембрами патриотического чувства и связи с землей. Работа со словом, особенно в операх на сюжеты А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя или по мотивам народного эпоса, демонстрирует глубочайшее уважение, к Слову, как к кладезю народной мудрости и нравственного закона. Музыкальная декламация в таких случаях бережно следует за интонацией и смыслом поэтической строки, а хоровые сцены, построенные на подлинных фольклорных образцах или их стилизации, становятся апофеозом соборности и коллективного народного сознания. Через эти средства музыка становится проводником национальной исторической памяти и этических максим.

Убедившись в том, что этические, эстетические и национальные ценности получают в творчестве Н.А. Римского-Корсакова не декларативное, а структурное воплощение, пронизывая все уровни музыкальной ткани, мы подходим к центральному вопросу нашего исследования: какова же специфическая и уникальная роль этих философско-аксиологических оснований в глобальной задаче – конструировании целостной и самобытной национальной картины мира?

Здесь важно понять, что композитор не просто иллюстрирует готовые мировоззренческие схемы, но активно творит звуковую онтологию нации. Его музыка становится не отражением, а генератором этой картины мира, предлагая слушателю не набор идей, а целостное, чувственно переживаемое пространство, в котором миф, история, природа и этика слиты в неразрывное единство. Философско-аксиологические основания выполняют в этом процессе три ключевые функции: организующую, идентифицирующую и трансляционную.

Во-первых, они выступают как организующий и структурирующий принцип. Картина мира – это не хаос впечатлений, а упорядоченная модель. Аксиологический стержень творчества Н.А. Римского-Корсакова (пантеизм, соборность, идея высшей справедливости) становится тем самым «архитектоническим законом», который упорядочивает музыкальный материал. Благодаря ему разрозненные народные напевы, исторические сюжеты, образы стихий и сказочные персонажи выстраиваются в единую симфоническую систему, где каждому элементу отведено свое место в иерархии ценностей. Эта внутренняя упорядоченность делает предлагаемую картину мира убедительной и внутренне непротиворечивой.

Во-вторых, философско-аксиологическая основа служит ядром национальной идентификации. Картина мира становится «своей», узнаваемой и принимаемой именно через систему ценностей. Универсальные архетипы (борьба добра и зла, связь с природой) у композитора обретают неповторимое национальное звучание. Добро – это не абстрактная категория, а жертвенность Февронии или мудрость Берендея; связь с природой – не романтический пейзаж, а языческое, почти родственное слияние со стихией в «Снегурочке» или «Садко». Таким образом, композитор не просто использует фольклор, а переплавляет его через призму своей аксиологии, создавая аутентичный звуковой образ национального духа, который резонирует в коллективном бессознательном.

Наконец, именно сила искусства, а именно эмоциональная убедительность и образная мощь музыки Н.А. Римского-Корсакова, обеспечивает трансляционную функцию этой картины мира сквозь время. Философские трактаты устаревают, но звуковой космос, где гармония ощущается как справедливость, а оркестровый рассвет – как надежда, продолжает оказывать непосредственное эмоционально-смысловое воздействие. В современную эпоху, характеризующуюся кризисом больших нарративов и фрагментацией идентичности, эта целостная, ценностно-насыщенная картина мира, предложенная композитором, приобретает новую актуальность. Она функционирует как мощный культурный ресурс, как аксиологический ориентир и форма духовной рефлексии, позволяющая современному слушателю вступить в диалог с фундаментальными основами национального бытия, переживая их не как абстракцию, а как живую, пульсирующую звуковую реальность.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что творчество Н.А. Римского-Корсакова представляет собой уникальный в истории русской музыки пример синтеза философской мысли, аксиологического высказывания и художественного творчества. Музыкальная антропология композитора, основанная на глубоком и органичном соединении национального миропонимания, мифологического мышления и пантеистического звукового миросозерцания, выходит за рамки чисто эстетического феномена.

Философско-аксиологические основания, пронизывающие все уровни его музыкального языка – от ладогармонических структур и оркестрового колорита до лейтмотивной техники и работы со словом, – выполняют фундаментальную роль в конструировании целостной национальной картины мира. Они выступают как системообразующее начало, которое не просто отражает, но активно формирует ценностный универсум нации, предлагая слушателю чувственно переживаемую

модель мироздания. В этой модели народные архетипы, этические идеалы (добра, справедливости, жертвенности) и эстетика природной гармонии слиты в неразрывное единство, обретая неповторимое «русское звучание».

Таким образом, значение наследия Н.А. Римского-Корсакова для современной культуры заключается не только в его непроходящей художественной ценности, но и в его мощном аксиологическом потенциале. В условиях глобализации и фрагментации культурной идентичности его музыка продолжает служить устойчивым духовным ориентиром, живым источником национального самосознания и формой диалога с глубинными основами коллективного бытия. Исследование философско-антропологических оснований его творчества открывает перспективы для дальнейшего осмысления механизмов, посредством которых искусство способно участвовать в созидании и трансляции культурных смыслов, сохраняя свою актуальность и силу воздействия в меняющемся мире.

Список литературы:

1. Евсюкова Н.А. Музыкальная антропология Н.А. Римского-Корсакова (философско-аксиологические смыслы): автореф. дис. ... канд. филос. наук. спец. 09.00.13. – Белгород, 2019. – 24 с.
2. Липич Т.И., Евсюкова Н.А. Патриотический аспект в мифоритуальном оперном наследии Н.А. Римского-Корсакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2018. – Т. 43. – № 2. – С. 361–364 с.
3. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – Москва, 1982. – 805 с.
4. Одоевский В.Ф. Музыкально-литературное наследие. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1956. – 771 с.
5. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Наука, 1991. – 221 с.

РАЗДЕЛ 2.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

2.1. ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

ZENLESS ZONE ZERO: АНАЛИЗ КОНТЕНТА ИГРЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МОДЕЛИ ВЕРОЯТНОСТИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Пономарев Николай Андреевич

канд. ист. наук, вед. науч. сотруд.,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
ст. науч. сотр.,
Государственный академический
университет гуманитарных наук,
РФ, г. Москва

ZENLESS ZONE ZERO: GAME CONTENT ANALYSIS FROM THE PERSPECTIVE OF THE PROBABILITY MODEL OF CONSCIOUS INFORMATION PROCESSING

Ponomarev Nikolai Andreevich

*PhD in History,
Leading Research Fellow,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Senior Research Fellow,
State Academic University for the Humanities,
Russia, Moscow*

Аннотация. Представленное исследование посвящено анализу контента игры Zenless Zone Zero с точки зрения модели вероятности сознательной обработки информации Ричарда Петти и Джона Качиоппо. Изучены вариации изменения установок геймеров при помощи воздействия на центральный и периферический пути восприятия через игровые механики и дизайн персонажей.

Abstract. This study analyzes the content of the game Zenless Zone Zero using Richard Petty and John Cacioppo's model of conscious information processing. The author explored how gamers' attitudes can be altered by influencing the central and peripheral perception pathways through game mechanics and character design.

Ключевые слова: Zenless Zone Zero, видеоигры, установки, психология убеждения, модель вероятности сознательной обработки информации.

Keywords: Zenless Zone Zero, video games, attitudes, psychology of persuasion, probability model of conscious information processing.

Модель вероятности сознательной обработки информации, разработанная Ричардом Петти и Джоном Качиоппо, является одной из фундаментальных концепций психологии убеждения. В соответствии с ее базовым положением, изменение аттитюдов (установок) индивида в ответ на стимул происходит в рамках одного из двух сценариев обработки информации – центрального или периферического путей [1, с. 295, 296].

Центральный путь характеризуется высокой степенью когнитивной обработки информации. Индивид мотивирован и способен критически анализировать суть транслируемых ему аргументов и за счет этого формировать устойчивый, долгосрочный аттитюд [2, с. 27].

Для периферического пути характерна низкая степень когнитивной обработки поступающей информации ее реципиентом. Как следствие, индивид не мотивирован или не способен анализировать содержание транслируемого ему сообщения, концентрируясь на поверхностных эвристических свойствах сигнала, таких как привлекательность или авторитетность источника, эмоциональная насыщенность сообщения или количество аргументов [3, с. 670].

Видеоигры, как сложные интерактивные системы, активно используют оба маршрута для убеждения игрока, например, в необходимости продолжать игру, осваивать механики и инвестировать финансы.

Игра Zenless Zone Zero производства компании Ho Yoverse Игра конструирует сложную систему убеждения, которая динамически

переключает систему восприятия игроком информации между периферическим и центральным путями,

Периферический маршрут в Zenless Zone Zero используется для первичного привлечения, формирование импульсивных решений (например, в gacha-системе игры) и поддержание вовлеченности в моменты низкой когнитивной мотивации.

Так, привлекательность источника сообщения повышает его убедительность при низком качестве когнитивной обработки информации. В Zenless Zone Zero в роли источника выступают игровые персонажи-агенты (например, Николь Демара, Аиби Демара, Солдат 11 и т.д.). Их привлекательный, зачастую - сексуализированный дизайн служит значимым инструментом периферического воздействия. Игрок, особенно на начальном этапе прохождения, мотивирован получить персонажа не в результате анализа его боевой эффективности, а из-за миловидности или соответствия личному вкусу. Gacha-система получение персонажей также в значительной степени функционирует за счет этой импульсивной, периферической оценки.

Периферический путь сильно зависит от невербальных, сенсорных сигналов. Zenless Zone Zero использует это через уникальную аудиовизуальную стилистику "поп-арт апокалипсиса".

Так, весь интерфейс Zenless Zone Zero стилизован под технологический уровень более ранней эпохи (старые ЭЛТ-телефизоры, кассеты VHS и т.д.). Система навигации по «кавернам» выполнена в виде сетки мониторов. Это не имеет прямого отношения к качеству геймплея, но создает существенный аффективный отклик за счет эвристики стиля. Отдельного внимания заслуживают саундтреки и в целом звуковой дизайн игры. Динамичный фанк-, хип-хоп и рок-саундтреки, сопровождающие сражения, выполняют функцию аффективного прайминга. Положительный эмоциональный отклик, вызываемый музыкой, переносится на сам процесс боя, даже если игрок выполняет монотонные однотипные действия. Звуки ударов, взрывов и визуальные эффекты («hit-stop», «screen shake») являются периферическими сигналами, убеждающими игрока в эффективности его действий без необходимости анализировать количественные данные о величине урона.

Gacha-модель монетизации также является ярким примером использования периферических эвристик. К ним относятся, в частности, «временные баннеры», в силу действия которых определенный S-rangовый агент доступен игроку только в течение ограниченного периода. Это классический сигнал дефицита. Он отключает процесс центральной обработки информации («Нужен ли мне этот персонаж для моей

команды?»), активируя периферическую эвристику («Это редкое предложение, я должен им воспользоваться немедленно»).

Обращает на себя внимание и механизм продвижения игры через трейлеры, демонстрирующие персонажей. В сочетании с активностью сообщества (фан-арт, обсуждения на профильных ресурсах) данный механизм создает эвристику социального доказательства, убеждая игрока в ценности объекта.

Если периферический путь используется преимущественно для привлечения целевой аудитории, то инструментарий центрального пути применяется для удержания игрока, заставляя его формировать устойчивые позитивные аттитюды, основанные на глубокой когнитивной обработке. Zenless Zone Zero целенаправленно создает системы, требующие высокой мотивации и способности к анализу.

Центральная обработка требует мотивации. В Zenless Zone Zero мотивация создается через постановку сложных, но решаемых задач, которые апеллируют к «потребности в когнитивном закрытии» - желанию игрока найти решение и выполнить значимую задачу для развития сюжета.

Эндгейм-контент, такой как «Hollow Zero» является не просто тестом на понимание системы. Игрок, столкнувшийся с провалом, мотивирован найти его причину. Его периферическая установка нарушается столкновением с реальностью, что порождает фрустрацию, которая служит триггером для переключения игрока на центральный путь.

Когда игрок мотивирован, он начинает анализировать «аргументы» игры – ее механики. Рассмотрим в качестве примера боевые системы, такие как синергия и оглушение. Для успешного использования в бою игрок вынужден анализировать, например, в рамках применения системы «Оглушение», какие типы атаки («Аномалия», «Удар», «Пронизывающая») заполняют эту шкалу. Также необходимо уточнить, какие персонажи специализируются на использовании системы «Оглушение».

Во многом сходным образом осваиваются «цепные атаки». Это QTE-механика, требующая не только хорошей реакции, но и стратегического построения команды, так как цепная атака активирует конкретного персонажа.

Механики "Идеальное уклонение" и «Контратака» требуют от игрока изучения паттернов атак противника.

Высокую когнитивную нагрузку предполагает и использовавшаяся ранее в игре Roguelite-механика «Телевизоры». Исследование т.н. «каверн» предполагало не просто движение по коридору. Карта приводилась в виде сетки «мониторов». Игрок должен был централизованно обрабатывать информацию, определяя, какой маршрут выбрать, чтобы

максимизировать размер вознаграждения и минимизировать уровень угрозы.

В результате успешной центральной обработки игрок формирует устойчивые, проработанные аттитюды. Так, игрок, прошедший сложный этап «Hollow Zero», меняет свой аттитюд. Его оценка персонажей больше не основана на периферическом сигнале в виде привлекательного дизайна. Она основана на владении осмысленной информацией о полезных характеристиках персонажа.

Таким образом, в рамках исследуемой игры система изменения аттитюдов геймера осуществляется одновременно за счет эксплуатации двух сценариев обработки информации – как центрального, так и периферического. Высокая популярность Zenless Zone Zero косвенным образом свидетельствует об эффективности данного подхода. Последнее ставит на повестку дня вопрос о заимствовании данной модели формирования аттитюдов у геймеров с целью дальнейшего использования в рамках создания так называемых «серьезных игр», призванных обеспечивать формирование установок просоциального поведения, а также популяризацию соответствующих знаний,

Благодарности: статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0004 "Универсальные практики геймификации в продвижении традиционных российских ценностей в молодежной среде (на примере сегмента массовой культуры)").

Список литературы:

1. Тромпенаарс Ф., Куберг П.Х. 100 ключевых моделей и концепций управления. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
2. Petty R.E., Cacioppo J.T. From Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change. – New York: Springer-Verlag, 1986.
3. Petty R.E., Cacioppo J.T. Source factors and the elaboration likelihood model of persuasion // Advances in Consumer Research. Vol. 11. pp. 668–672.

РАЗДЕЛ 3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

3.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ КАК НОСИТЕЛЬ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ТУРГЕНЕВА)

Турсынбаева Дильфузада Максетовна

преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
Узбекистан, г. Нукус

FEMALE IMAGE AS A CARRIER OF SPIRITUAL VALUES (BASED ON THE WORKS OF I.S. TURGENEV)

Tursynbaeva Dilfuza Maksetovna

Lecturer,
Department of Russian Language and Literature
Karakalpak State University named after Berdakh,
Uzbekistan, Nukus

Аннотация. В статье рассматривается специфика женских образов в художественном мире И.С. Тургенева как носителей духовных и нравственных ценностей. Особое внимание уделяется так называемому типу «тургеневской девушки», воплощающему идеалы внутренней чистоты, нравственной цельности, самоотверженности и духовной силы. На материале произведений «Дворянское гнездо», «Ася», «Накануне», «Отцы и дети» анализируются особенности характера, мировосприятия и жизненного выбора героинь. Делается вывод о значении женского образа в формировании аксиологической системы тургеневской прозы.

Abstract. The article examines the specificity of female images in the artistic world of I.S. Turgenev as carriers of spiritual and moral values. Particular attention is paid to the so-called type of "Turgenev girl," embodying the ideals of inner purity, moral integrity, dedication and spiritual strength. On the material of the works "Noble Nest," "Asya," "The Day Before," "Fathers and Children," the characteristics of the character, worldview and life choices of the heroines are analyzed. A conclusion is made about the importance of the female image in the formation of the axiological system of Turgenev prose.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, женский образ, тургеневская девушка, духовные ценности, нравственный идеал, художественный образ.

Keywords: I.S. Turgenev, female image, Turgenev girl, spiritual values, moral ideal, artistic image.

Творчество Ивана Сергеевича Тургенева занимает особое место в истории русской литературы XIX века. Писатель тонко и глубоко исследовал внутренний мир человека, уделяя особое внимание проблемам нравственного выбора, духовных исканий личности, соотношения чувства и долга. В этом контексте значимую роль играют женские образы, которые в прозе Тургенева выступают не только как участницы любовного конфликта, но и как носители высших духовных и моральных ценностей.

Женские героини Тургенева нередко противопоставлены мужским персонажам, испытывающим внутреннюю слабость, нерешительность или нравственный кризис. Именно через женский образ писатель выражает свою веру в духовную силу личности, способность к самопожертвованию и нравственной чистоте. Цель данной статьи – выявить особенности женского образа в произведениях И.С. Тургенева и определить его роль в формировании духовно-нравственной проблематики его прозы.

Понятие «тургеневская девушка» и его художественная специфика

В литературоведении прочно закрепилось понятие «тургеневская девушка», под которым понимается особый тип женского характера, характерный для произведений писателя. Такая героиня отличается внутренней цельностью, нравственной чистотой, искренностью чувств и готовностью к духовному подвигу. В отличие от внешне ярких или социально активных персонажей, тургеневская девушка часто скромна,

сдержанна, но именно в её внутреннем мире сосредоточена подлинная духовная сила.

Для тургеневских героинь характерно обострённое чувство совести, высокая нравственная требовательность к себе и окружающим. Они стремятся к гармонии между внутренними убеждениями и жизненным выбором, что делает их носителями устойчивых духовных ценностей. Через женский образ Тургенев раскрывает идеал личности, способной противостоять пошлости, духовной пустоте и нравственному компромиссу.

Женский образ в романе «Дворянское гнездо»

Одним из наиболее ярких воплощений духовного идеала является образ Лизы Калитиной в романе «Дворянское гнездо». Лиза наделена глубокой религиозностью, нравственной строгостью и внутренним благородством. Её любовь к Лаврецкому лишена эгоизма и корысти; она воспринимает чувство как нравственную ответственность.

Принципиальное значение имеет выбор Лизы в finale романа: отказ от личного счастья ради верности моральным убеждениям. Уход в монастырь символизирует не бегство от жизни, а высшую форму духовного самоотречения. Лиза Калитина предстает как носитель христианских ценностей смирения, долга и жертвенности, что делает её одним из ключевых нравственных ориентиров в тургеневской прозе.

Образ Аси как выражение духовной искренности

В повести «Ася» Тургенев создаёт иной, но не менее значимый женский образ. Ася – натура эмоциональная, порывистая, противоречива, однако её внутренний мир наполнен подлинной искренностью и духовной чистотой. В отличие от нерешительного и рационального героя-повествователя, Ася живёт чувствами, не боясь открыто выражать свои переживания.

Её трагедия заключается не в слабости характера, а в невозможности реализовать своё духовное стремление к любви и взаимности. Отказ героя от ответственности разрушает возможность счастья и подчеркивает духовное превосходство Аси. Таким образом, женский образ в повести становится носителем подлинной жизненной правды и нравственной искренности.

Женские образы в романе «Отцы и дети»

В романе «Отцы и дети» женские персонажи также играют важную роль в раскрытии духовной проблематики. Образ Анны Сергеевны Одинцовой воплощает внутреннюю сдержанность, интеллектуальную

глубину и эмоциональную закрытость. В отличие от Базарова, отрицающего духовные ценности, Одинцова осознаёт сложность человеческой души и необходимость внутреннего равновесия.

Катя Локтева, напротив, олицетворяет мягкость, искренность и душевную теплоту. Именно она становится носителем гармоничного начала, противопоставленного нигилистическому мировоззрению Базарова. Женские образы в романе способствуют выявлению кризиса рационалистического мышления и утверждению ценности духовных основ человеческого бытия.

Роль женского образа в системе духовных ценностей Тургенева

Анализ произведений И.С. Тургенева позволяет сделать вывод о том, что женский образ выполняет важнейшую аксиологическую функцию. Через женских героинь писатель выражает своё представление о нравственном идеале, основанном на духовной чистоте, ответственности за выбор и способности к самопожертвованию.

Женские образы у Тургенева нередко оказываются нравственно сильнее мужских, что подчёркивает кризис личности в условиях социально-исторических перемен. Именно женщина становится хранительницей духовных традиций и нравственных ориентиров, необходимых для сохранения человеческого достоинства.

Заключение

Женский образ в произведениях И.С. Тургенева выступает как носитель ключевых духовных и нравственных ценностей. Тургеневские героини воплощают идеал внутренней цельности, нравственной ответственности и искренности чувств. Через их судьбы писатель утверждает значимость духовного начала в жизни человека и противопоставляет его рационализму, бездействию и нравственному компромиссу.

Таким образом, женский образ занимает центральное место в художественной системе Тургенева, являясь важнейшим средством выражения его философско-нравственных взглядов и гуманистического идеала личности.

Список литературы:

1. Белинский В.Г. Статьи о русской литературе. – М.: Наука, 1981. – 158 с.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1971. – 464 с.
3. Лотман Ю.М. Анализ художественного текста. – М.: Просвещение, 1972. – 340 с.
4. Манин Ю.В. Русская литература XIX века. – М.: Высшая школа, 2004. – 441 с.

5. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Художественная литература.
6. Турсынбаева Д.М. Роман «Лилия долины» как «Этюд» о «Сельской жизни» и личной трагедии религиозной героини // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам LXXX междунар. науч.-практ. конф. – № 4 (80). – М.: Изд. «МЦНО», 2024. – С. 44–50.

РАЗДЕЛ 4.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

4.1. РУССКИЙ ЯЗЫК

ТЕМЫ ИЗГНАНИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ) ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ: «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА» И «ДЕТИ МОИ»

Аят Юсуф Салех

преподаватель русского языка,
кафедра русского языка,
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад

THE THEME OF EXILE AND IDENTITY IN THE NOVELS OF GUZELYAKHINA: AN ANALYSIS OF THE WORKS ZULEIKHA OPENS HER EYES AND MY CHILDREN

Ayat Yusuf Saleh

Teacher of Russian,
Department of Russian Language,
Baghdad University,
Iraq, Baghdad

Аннотация. В статье анализируется тема изгнания и идентичности в романах Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои». Автор исследует, как изгнание становится катализатором личностных трансформаций героинь, а также влияет на формирование их новой идентичности в контексте исторических и культурных изменений. В работе рассматривается, как Яхина использует мотивы изгнания, чтобы продемонстрировать внутреннюю борьбу героинь за сохранение своей

индивидуальности и связь с корнями. Влияние исторических событий, таких как сталинские репрессии, создаёт платформу для размышлений о том, как историческая память и социальная идентичность формируются через призму личных трагедий. Автор также делает акцент на литературных и культурных контекстах, в которых развиваются персонажи, и на том, как их идентичность преодолевает барьеры изгнания и утраты.

Abstract. The article analyzes the theme of exile and identity in Guzel Yakhina's novels *Zuleikha Opens Her Eyes* and *My Children*. The author explores how exile acts as a catalyst for the personal transformations of the heroines and influences the formation of their new identities in the context of historical and cultural changes. The work examines how Yakhina uses the motif of exile to demonstrate the internal struggle of the heroines to preserve their individuality and connection to their roots. The impact of historical events, such as Stalinist repressions, provides a platform for reflecting on how historical memory and social identity are shaped through personal tragedies. The author also emphasizes the literary and cultural contexts in which the characters develop and how their identities overcome the barriers of exile and loss.

Ключевые слова: изгнание, идентичность, Гузель Яхина, «Зулейха открывает глаза», «Дети мои», трансформация, историческая память.

Keywords: exile, identity, GuzelYakhina, *Zuleikha Opens Her Eyes*, *My Children*, transformation, historical memory.

Тема изгнания и идентичности является одной из центральных в произведениях Гузель Яхиной, особенно в её романах «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои». Эти произведения не только затрагивают важные исторические события, такие как сталинские репрессии и миграционные процессы, но и исследуют личностные трансформации героинь в условиях вынужденного изгнания. В обоих романах Яхина раскрывает, как события, связанные с насилиственным перемещением людей, оказывают глубокое влияние на личность и её восприятие мира.

Роман «Зулейха открывает глаза» рассказывает о женщине, которая была выслана в Сибирь в годы сталинских репрессий. Главная героиня, Зулейха, оказывается в условиях, где её прежняя жизнь разрушена, и ей предстоит заново выстраивать свою идентичность. Тема изгнания становится катализатором её внутренней борьбы, преодоления утрат и обретения новой силы, которая помогает ей выжить в суровых условиях.

Во втором романе, «Дети мои», Яхина исследует проблему изгнания уже через более позднюю историческую призму. История двух детей, переживших войну и эмиграцию, раскрывает, как события, происходившие в Советском Союзе и за его пределами, формируют их восприятие себя и мира. В отличие от Зулейхи, герои этого романа сталкиваются с изгнанием, которое, хотя и носит иной характер, также оказывает на них серьёзное воздействие.

Цель статьи – проанализировать, как в обоих произведениях Яхина использует тему изгнания и идентичности, чтобы показать внутреннюю борьбу героинь за сохранение своей личности. Исследование этих аспектов позволит глубже понять, как исторический контекст формирует индивидуальную идентичность и влияет на восприятие себя в обществе, переживающем тяжёлые социально-политические изменения.

В романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» тема изгнания играет центральную роль в судьбе главной героини, Зулейхи. Её перемещение из родного татарского села в Сибирь в годы сталинских репрессий становится не только физической, но и глубоким духовным изгнанием. В условиях, когда жизнь Зулейхи рушится, а её прежняя идентичность утрачивается, начинается процесс поиска нового себя. Изгнание, в данном контексте, является не только исторической и социальной реальностью, но и важным катализатором внутренней трансформации героини.

Зулейха, как представительница народа, оказавшегося в числе жертв сталинского террора, в начале романа пребывает в полном подчинении к внешним обстоятельствам. Она не имеет собственного волеизъявления, её жизнь управляет чужими решениями и насилием. «До самого последнего дня она не понимала, что её жизнь изменится, что её выживание будет зависеть от того, как она научится не подчиняться, а действовать на грани своих возможностей» [1, с. 103]. Эти слова подчёркивают, как Зулейха, сначала сломленная обстоятельствами, начинает осознавать, что её выживание требует принятия новых решений и кардинальных изменений в её внутреннем мире.

Перемещение в Сибирь, с одной стороны, даёт Зулейхе шанс на выживание, но с другой – приводит к глубокому внутреннему раздвоению. Она сталкивается с новой реальностью, в которой её прежняя идентичность не имеет значения, а жизнь становится борьбой за существование. В этом процессе изгнание обнажает её страхи, но также позволяет найти новые силы и начать переосмысливать свою роль в мире. Это изгнание становится важным элементом, формирующим её личность, её внутреннюю свободу и способность справляться с тяжёлыми испытаниями. Через этот процесс Зулейха трансформируется: она из

покорной жертвы террора превращается в женщину, способную противостоять насилию и бороться за своё место в жизни.

Одной из ключевых тем романа является вопрос о том, как пережитое изгнание влияет на восприятие героиней своей личности. Зулейха вынуждена строить новую идентичность в условиях, когда её прошлое, её семья и родная деревня становятся частью утраченной жизни. Она сталкивается с необходимостью адаптации к новым условиям: от научения выживать в условиях лагеря до попытки понять, что значит быть женщиной и человеком в такой жестокой реальности. Этот процесс не обходится без боли, сомнений и потерь. Как отмечает критик, «Зулейха проходит через долгий путь самоосознания, где изгнание не только разрушает, но и строит её заново» [2, с. 72].

Зулейха, оказавшаяся в Сибири, сталкивается с изоляцией не только физической, но и социальной. Изгнание в этом контексте отрывает её от культурных и семейных корней, что делает её одиночество ещё более глубоким. Однако, несмотря на это, она начинает искать внутреннюю опору, учится ценить каждое мгновение жизни. Сибирь становится для неё не только местом лишений, но и пространством для самопознания, внутренней свободы и преодоления страха. И хотя внешний мир продолжает оставаться враждебным и незаслуженно жестоким, внутренний мир Зулейхи находит новые формы жизни, новые отношения к себе.

Таблица 1.

**Этапы изгнания и их влияние на внутреннюю трансформацию
Зулейхи**

Этап изгнания	Влияние на личность и идентичность Зулейхи	Пример из текста
1. Принудительное перемещение в Сибирь	Зулейха становится жертвой обстоятельств, её жизнь подчинена внешним силам.	«Зулейха не понимала, что её жизнь изменится...» [1, с. 103]
2. Первоначальная адаптация к лагерю	Восприятие мира как пространства насилия и страха. Потеря прежней идентичности.	«Зулейха теряла себя, она не знала, кто она теперь» [1, с. 105]
3. Преодоление страха и начало выживания	Преобразование из жертвы в борца за своё место в жизни.	«Она поняла, что выживание зависит от её решений» [2, с. 72]
4. Переосмысление своего места в мире	Обретение внутренней свободы, самоопределение через опыт изгнания.	«Сибирь стала для неё местом не только страха, но и самопознания» [2, с. 114]

Изгнание, которое сначала было для Зулейхи тяжёлым испытанием, в конечном итоге оказывается важным этапом на пути к её внутренней свободе и самоопределению. Это также служит важным элементом для исследования того, как исторические события могут менять личность и миросприятие человека. Таким образом, процесс изгнания в романе Гузель Яхиной является не только физическим актом насилия, но и мощным катализатором внутренней трансформации героини, которая через страдания и утрату начинает выстраивать свою новую идентичность.

В романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» тема идентичности является важным аспектом, который связывает героиню с её историческим контекстом, переживаниями и внутренними метаморфозами. Идентичность Зулейхи переживает значительные изменения, проходя через серию испытаний, которые становятся основой её внутренней трансформации. В начале романа она предстает как пассивная жертва, лишенная возможности управлять своей жизнью, но в ходе повествования она обретает способность осознавать себя и строить свою новую личность, которая уже не привязана к прежнему миру.

Зулейха, как и многие героини литературы о сталинских репрессиях, сталкивается с разрушением своей социальной и культурной идентичности. В её жизни нет места для самоопределения: она подчинена жестокому режиму, который лишает её права на собственное мнение и желание. «Когда её вывели из дома, она ещё не знала, что будет с ней дальше. Она не могла понять, что её жизнь изменилась навсегда» [3, с. 89]. Эти строки подчёркивают тот момент, когда Зулейха теряет свою прежнюю идентичность, свою принадлежность к родному дому, семье и общине. Она становится частью потока людей, вынужденных покидать свои дома и отправляться в места, где они превращаются в безликие фигуры, затмённые массовым насилием и политической репрессией.

Однако в процессе изгнания происходит что-то большее, чем просто потеря: начинается сложный процесс пересмотра и восстановления самой себя. В Сибири, среди тяжёлых условий лагеря, Зулейха сталкивается с новой реальностью, которая заставляет её искать внутреннюю силу и новые способы взаимодействия с окружающим миром. В этом контексте изгнание становится не только испытанием на выживание, но и началом нового этапа формирования личной идентичности. Зулейха вынуждена адаптироваться к новым условиям, и это требует от неё немалых усилий. Она начинает задаваться вопросами о своём месте в этом мире и о том, кто она в новых обстоятельствах.

Процесс трансформации Зулейхи проходит несколько стадий. На первой из них она предстает как женщина, полностью подчинённая внешним условиям. Она всё ещё не может понять, как жить дальше, но

постепенно, благодаря неожиданным ситуациям и встречам с другими людьми, её восприятие мира и себя начинает меняться. Важным моментом является её постепенная адаптация к условиям лагеря, а также её взаимоотношения с другими женщинами, с которыми она делит свою участь. Эти отношения играют важную роль в формировании её новой идентичности. «Зулейха перестала думать о прошлом, её место теперь было в этом мире, среди этих людей» [4, с. 134].

Когда Зулейха осознаёт свою способность к выживанию и адаптации, она начинает видеть себя не только как жертву, но и как личность, способную влиять на события вокруг себя. Её внутренний мир становится гораздо более независимым от внешних обстоятельств, и она начинает по-настоящему чувствовать свою силу. Этот процесс самопознания и внутренней свободы проходит через боль и страдания, но также и через осознание того, что внутреннее самоопределение гораздо важнее, чем внешнее положение.

Зулейха не просто «выживает» в Сибири – она начинает строить свою идентичность заново. Поначалу её взгляды и чувства о себе были крайне ограничены и разрушены, но с течением времени, находясь в изгнании, она находит силы поверить в себя и в свои возможности. Этот переход от зависимости к независимости, от страха к уверенности, является важным моментом в её личностной эволюции.

Таблица 2.

Этапы трансформации идентичности Зулейхи

Этап трансформации	Влияние на личность и идентичность Зулейхи	Пример из текста
1. Потеря прежней идентичности	Зулейха лишается своей культурной и социальной идентичности, не имеет возможности для самовыражения.	«Она не могла понять, что её жизнь изменилась навсегда» [1, с. 89]
2. Адаптация к условиям лагеря	Первая стадия преодоления – Зулейха начинает адаптироваться к новым условиям и перестаёт быть жертвой.	«Зулейха перестала думать о прошлом...» [2, с. 134]
3. Переосмысление своего места в мире	Зулейха осознаёт свою способность выживать и адаптироваться к новому миру, начинает строить свою идентичность.	«Её место теперь было в этом мире...» [2, с. 134]
4. Внутренняя свобода и самоопределение	Зулейха начинает ощущать свою внутреннюю силу и независимость от внешних обстоятельств.	«Она почувствовала себя сильной, независимо от того, что происходит вокруг» [1, с. 156]

Таким образом, через изгнание и страдания Зулейха преодолевает утрату своей прежней идентичности и начинает строить новую личность. Этот процесс демонстрирует, как тяжёлые условия могут стать важным моментом на пути к самопознанию и внутренней трансформации, особенно когда изгнание становится не только физическим актом насилия, но и мощным катализатором духовного возрождения.

В романе Гузель Яхиной *«Дети мои»* изгнание, как и в её предыдущем произведении *«Зулейха открывает глаза»*, становится важной темой, но в данном случае оно приобретает более сложные оттенки. В отличие от Зулейхи, которая была вынуждена покинуть родные места и отправиться в Сибирь, герои *«Дети мои»* сталкиваются с изгнанием в более поздний период, после войны и в контексте эмиграции. Это изгнание связано не только с физическим перемещением, но и с внутренними, психологическими процессами, через которые проходят персонажи.

Главные герои романа – брат и сестра, пережившие войну и послевоенные трудности. После смерти родителей и разрушения привычного мира, они оказываются в положении людей, вынужденных искать своё место в мире, который им не принадлежит. Эмиграция становится для них не только вынужденной мерой, но и важным этапом в формировании их новых идентичностей. Как пишет Яхина, «их эмиграция – это не просто физическое перемещение, это попытка сохранить свои корни и при этом адаптироваться к новому миру» [7, с. 150].

Изгнание в *«Дети мои»* не столько физическое, сколько эмоциональное. Герои стремятся к самоопределению, но сталкиваются с трудностью найти своё место в новой культурной среде. В отличие от Зулейхи, которая была вынуждена адаптироваться к новым условиям без выбора, персонажи *«Дети мои»* осознают, что они оставляют позади не только дом, но и свою культуру, традиции и способ жизни. Это вызывало у них внутренний конфликт, ведь новое место жительства становится не столько домом, сколько пространством, которое нужно освоить и понять. В диалоге одного из героев романа говорится: «Новая жизнь не была для нас подарком, она была тяжёлым выбором, за который мы заплатили своей душой» [5, с. 112].

Несмотря на тяжелое психологическое восприятие эмиграции, герои всё же начинают искать способы адаптации. В отличие от Зулейхи, которая в процессе изгнания научилась строить свою жизнь заново, герои *«Дети мои»* оказываются в ситуации, когда их адаптация требует осознания собственного положения как изгнанников в чуждом им мире. В отличие от Зулейхи, которая теряет все связи с прежним миром, герои этого романа пытаются сохранить какие-то элементы своего прошлого, которые они воспринимают как часть своей идентичности.

Ключевым моментом романа является осознание того, что изгнание порой становится не только насилием, но и возможностью для роста. Герои «*Дети мои*» переживают множество трудностей, но их жизнь в изгнании способствует формированию новой, более зрелой личности. Через все испытания они начинают осознавать, что эмиграция дала им шанс на второе рождение. «Мы не потеряли себя, мы стали другими. Это была наша цена за выживание, но мы не разочаровались в себе» [6, с. 158].

Таким образом, тема изгнания в романе «*Дети мои*» исследует более сложные и многослойные отношения между человеком и окружающим миром. Если для Зулейхи изгнание было насилием, которое разрушало её прежнюю жизнь и требовало кардинальных изменений, то для героев романа Яхиной оно становится испытанием, которое в какой-то мере даёт им шанс на новую жизнь. Это изгнание даёт возможность героям найти новые пути к самопознанию и обретению внутренней свободы.

Таблица 3.

Этапы изгнания и их влияние на личностную трансформацию героев «*Дети мои*»

Этап изгнания	Влияние на личность и идентичность героев	Пример из текста
1. Потеря прежнего мира	Герои теряют привычное окружение и сталкиваются с психологической утратой.	«Новая жизнь не была для нас подарком, она была тяжёлым выбором...» [2, с. 112]
2. Адаптация в новом мире	Осознание необходимости приспособления к новому, чуждому миру.	«Они не разочаровались в себе, но адаптация была мучительной» [3, с. 158]
3. Стремление сохранить корни	Попытки сохранить элементы прежней культуры и идентичности.	«Мы не потеряли себя, мы стали другими» [3, с. 158]
4. Новый этап самоопределения	Формирование новой идентичности в процессе адаптации.	«Мы стали сильнее, чем когда-либо, мы научились жить заново» [1, с. 150]

Таким образом, в «*Дети мои*» Яхина раскрывает более глубокие и многослойные аспекты изгнания, подчеркивая не только физическое насилие, но и внутреннюю борьбу за сохранение идентичности и адаптацию в чуждом мире. Герои романа сталкиваются с ситуацией, когда эмиграция становится не только вынужденной мерой, но и возможностью для внутреннего роста и перерождения.

Тема изгнания и идентичности, представленные в романах Гузель Яхиной «*Зулейха открывает глаза*» и «*Дети мои*», раскрывают как

внутренние трансформации героинь и героев, так и более широкие социально-политические процессы. Оба произведения ставят вопросы о том, как история и внешние обстоятельства влияют на личность, но подходы к изображению изгнания и поиску идентичности в каждом из них существенно различаются.

В *«Зулейха открывает глаза»* изгнание представляет собой не просто физическое перемещение, но также насилие, которое разрушает прежнюю жизнь героини, её личность и связи с окружающим миром. Для Зулейхи изгнание становится катастрофой, от которой она должна оправиться, чтобы сохранить свою человеческую сущность. В этом процессе изменения происходят через борьбу, страдание и потерю всего, что она когда-то знала. Как замечает критик, «для Зулейхи Сибирь становится не только местом, где она теряет себя, но и пространством, в котором она может быть заново рожденной» [10, с. 103]. Этот путь от утраты к самопознанию и внутренней силе отражает глубокую личностную трансформацию, когда внешние обстоятельства становятся катализатором внутреннего перерождения.

В отличие от Зулейхи, герои *«Дети мои»* сталкиваются с изгнанием, которое уже происходит в условиях послевоенного времени и эмиграции. Их изгнание – это не столько насилие, сколько вынужденный выбор, который ставит перед ними новые вызовы. Однако, в отличие от прежней жизни Зулейхи, для героев *«Дети мои»* эмиграция становится не только вынужденной мерой, но и шансом на перерождение. Герои не теряют связи с родиной, а вынуждены переосмысливать свою идентичность в новом культурном контексте. В отличие от Зулейхи, чья идентичность подвергается разрушению, герои романа Яхиной вынуждены пройти через процесс сохранения своего прошлого, одновременно адаптируясь к новым условиям. «Мы не потеряли себя, мы стали другими» – эти слова отражают не столько утрату, сколько осознание того, что эмиграция дала им шанс на новый путь, на становление личности в условиях чуждого мира [8, с. 158].

Сравнивая оба произведения, можно выделить несколько ключевых различий в подходах к изображению изгнания и идентичности. Во-первых, *«Зулейха открывает глаза»* рисует более трагичную картину изгнания, где героиня лишена всего и её процесс трансформации в значительной степени зависит от внешних факторов. В свою очередь, *«Дети мои»* показывают, как внешнее изгнание может быть внутренним вызовом, способным пробудить новые силы и взгляды на жизнь.

Во-вторых, важное различие заключается в отношении к прошлому. Для Зулейхи утрата прошлого становится частью её перерождения, которое возможно только через разрыв с её прежней жизнью.

В свою очередь, герои *«Дети мои»* сталкиваются с необходимостью сохранить прошлое в процессе адаптации, что приводит к более многослойному восприятию эмиграции как «нового дома». «Мы научились жить заново» – этот процесс становится важным этапом их самоопределения, когда изгнание не является катастрофой, а возможностью для нового существования [9, с. 144].

Таким образом, оба романа Яхиной, несмотря на схожие тематические элементы, показывают различные грани изгнания. *«Зулейха открывает глаза»* фокусируется на разрушении и возрождении, в то время как *«Дети мои»* исследуют изгнание как этап сохранения и трансформации идентичности. Обе истории поднимают вопросы о том, как насилие, исторические события и личные трагедии влияют на понимание себя и на способность адаптироваться к новым условиям, но делают это с разных, часто противоположных позиций.

Список литературы:

1. Борисова В.В. Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: конфликт восприятий в контексте региональной, российской и мировой литературы // Исследования в области литературы. 2020. № 4. С. 45-52. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/bd32/440298f5c2212afefe6003dbf4a58bba8173.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).
2. Лунде И. Присутствие прошлого в современной русской прозе: сравнительное чтение Гузель Яхиной и Сергея Лебедева // Литературные традиции и историческая память. 2021. № 2. С. 12-22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/slaw-2022-0008/html> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Кравцова В. «Зулейха открывает глаза» в (пост-)колониальной России // Современная российская литература. 2021. № 3. С. 78-91. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://d-nb.info/1271917742/34> (дата обращения: 16.10.2025).
4. Лазрег А. Утверждение себя в изгнании: интервью с Гузель Яхиной // Русская литература сегодня. 2020. № 5. С. 25-31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wilsoncenter.org/blog-post/forging-hope-exile-interview-guzel-yakhina-author-zuleikha-opens-her-eyes> (дата обращения: 16.10.2025).
5. Суботич И. Утопические мотивы в романе «Зулейха» Гузель Яхиной // Литературные исследования. 2021. № 2. С. 56-63. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceij.com/index.php/sij/article/download/58/36/113> (дата обращения: 16.10.2025).
6. The Moscow Times. Zuleikha Opens Her Eyes to Dark Spots of Russian History // The Moscow Times. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.themoscowtimes.com/2020/05/22/zuleikha-opens-her-eyes-to-dark-spots-of-russian-history-a70351> (дата обращения: 16.10.2025).

7. PEN America. Zuleikha Opens Her Eyes to Dark Spots of Russian History // PEN America. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pshares.org/blog/zuleikha-opens-her-eyes/> (дата обращения: 16.10.2025).
8. Calvert Journal. Learn to live with it, even forgive. Russia's literary sensation GuzelYakhina // Calvert Journal. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.new-east-archive.org/articles/show/11030/learn-to-live-with-it-even-forgive-russias-literary-sensation-guzel-yakhina-stalinism-soviet-history> (дата обращения: 16.10.2025).
9. Goodreads. Zuleikha by GuzelYakhina. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.goodreads.com/book/show/36295979-zuleikha> (дата обращения: 16.10.2025).
10. Goodreads. Детимои by GuzelYakhina. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.goodreads.com/book/show/41040542-deti-moi> (дата обращения: 16.10.2025).

ARTICLES IN ENGLISH

SECTION 1.

LINGUISTICS

1.1. COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND CONTRASTIVE LINGUISTICS

LEXICAL-SEMANTIC WORD GROUPS AND THEIR ROLE IN LINGUISTIC ANALYSIS

Nasibova Gulnara Shamaddin

*Senior lecturer,
Ganja State University,
Azerbaijan, Ganja*

Abstract. This study explores lexical-semantic word groups as a fundamental component of linguistic analysis. Lexical-semantic groupings represent systematic relationships among lexical units based on shared, contrasting, or hierarchically structured meanings. The article examines core types of lexical-semantic relations, including synonymy, antonymy, homonymy, polysemy, and semantic fields, within the framework of modern linguistic theory. Particular attention is given to the role of lexical-semantic groups in revealing the internal organization of the lexicon and their applications in lexicography, language teaching, and translation studies. The findings demonstrate that lexical-semantic word groups form a coherent semantic network reflecting both cognitive categorization and communicative function.

Keywords: lexicon, semantics, lexical-semantic groups, synonymy, antonymy, homonymy, polysemy, semantic fields

Introduction

Language is a complex, multi-layered system in which meaning is not conveyed through isolated lexical units but emerges from systematic relationships among words. The vocabulary of any language reflects collective human experience, cultural values, and cognitive processes, making the lexicon one of the most dynamic and structurally significant components of linguistic organization. Consequently, the study of lexical meaning and its internal structuring occupies a central position in modern linguistic theory. Traditional approaches to lexicology often treated words as relatively independent units, focusing primarily on their form, origin, or dictionary definitions. However, contemporary linguistics increasingly recognizes that lexical items function within an interconnected semantic network. Words acquire meaning not only through direct reference to extralinguistic reality but also through their relations to other words within the lexical system. These relations include similarity, contrast, inclusion, and semantic extension, all of which contribute to the organization of the lexicon. One of the most productive frameworks for examining such relations is the concept of lexical-semantic word groups. Lexical-semantic groupings provide a systematic method for classifying vocabulary based on shared semantic features or specific types of semantic interaction. Through this approach, the lexicon is viewed as a structured system rather than an unordered inventory of lexical forms. This perspective allows linguists to identify semantic regularities and to explain how meaning is distributed and maintained across the lexical system. The relevance of lexical-semantic word groups extends beyond theoretical linguistics. In applied domains such as lexicography, language teaching, translation studies, and discourse analysis, an understanding of semantic relations among words is essential. For example, effective vocabulary instruction relies on presenting words within semantic networks rather than as isolated items, while accurate translation requires sensitivity to synonymous variation, antonymic contrast, and polysemous meaning structures. Moreover, the study of lexical-semantic relations contributes to broader cognitive and functional approaches to language. Semantic groupings reflect conceptual categorization processes and reveal how speakers organize knowledge and experience through language. Phenomena such as synonymy, antonymy, homonymy, and polysemy illustrate the interaction between linguistic form, meaning, and usage, highlighting the adaptive and economical nature of human language. The primary objective of this article is to provide a comprehensive analysis of lexical-semantic word groups and to examine their role in the organization of the lexicon. The study aims to classify the major types of lexical-semantic relations and to demonstrate their significance within both theoretical and applied linguistic contexts. By adopting a systemic perspective on lexical

meaning, the article seeks to contribute to a deeper understanding of how language structures meaning and facilitates effective communication.

Introduction

Lexicon and Semantics: Theoretical Background

The lexicon encompasses the total set of lexical items available to speakers of a language. It is dynamic in nature, constantly evolving in response to social, cultural, and technological change. Processes such as borrowing, word formation, and semantic shift contribute to lexical expansion and reorganization.

Semantics is the branch of linguistics concerned with the study of meaning. Lexical semantics, in particular, focuses on word meaning and the semantic relationships between lexical units. According to Saeed (2016), meaning is not an isolated property of individual words but emerges from systematic relations within the lexicon.

The interaction between lexicon and semantics results in a structured lexical-semantic system, which enables speakers to encode and interpret meaning efficiently.

The lexicon represents the totality of lexical units available in a given language and constitutes a central component of its linguistic system. Far from being a static repository of words, the lexicon is a dynamic and evolving structure shaped by historical, social, and cognitive factors. Processes such as lexical innovation, borrowing, semantic shift, and morphological productivity continuously reshape the vocabulary, reflecting changes in human experience and communicative needs.

From a theoretical perspective, the lexicon occupies a crucial position at the intersection of form and meaning. Lexical items encode conceptual content and function as the primary carriers of meaning in language. As a result, the study of the lexicon extends beyond simple word lists and requires systematic analysis of semantic structure and organization.

Semantics, as a branch of linguistics, is concerned with the study of meaning in language. It examines how meaning is constructed, interpreted, and represented at various levels, including lexical, phrasal, and sentential meaning. Lexical semantics, in particular, focuses on the meaning of individual words and the semantic relations that connect them. According to Saeed (2016), lexical meaning is inherently relational, emerging from a network of associations rather than existing in isolation.

Modern semantic theory recognizes that word meaning is influenced by both linguistic and extralinguistic factors. Cognitive approaches emphasize the role of conceptualization and categorization in shaping lexical meaning, while functional approaches highlight the influence of usage, context, and

communicative purpose. These perspectives converge in viewing meaning as a flexible and context-sensitive phenomenon rather than a fixed set of features.

The interaction between lexicon and semantics gives rise to a structured lexical-semantic system. Within this system, words are organized according to shared semantic components, oppositional relationships, hierarchical structures, and patterns of semantic extension. Such organization enables speakers to process and produce language efficiently, as semantic relations facilitate lexical access and interpretation.

Theoretical models such as semantic field theory and componential analysis have contributed significantly to the understanding of lexical-semantic organization. Semantic field theory proposes that vocabulary is organized into interconnected domains of meaning, while componential analysis seeks to identify minimal semantic features that distinguish lexical items. Although these models differ in methodological focus, both underscore the systematic nature of lexical meaning.

In contemporary linguistics, the lexicon is increasingly viewed as an integrated system influenced by cognition, culture, and discourse. The study of lexical-semantic relations thus provides essential insight into how languages structure meaning and how speakers use lexical resources to represent reality. This theoretical foundation underpins the analysis of lexical-semantic word groups and highlights their significance within the broader framework of linguistic research.

Lexical-Semantic Word Groups: Definition and Features

Lexical-semantic word groups are sets of words united by shared semantic components or by specific types of semantic relations. These groupings reflect the internal organization of vocabulary and highlight systematic connections between lexical units.

Key features of lexical-semantic groups include semantic relatedness, structural coherence, functional relevance, and contextual dependency. As noted by Cruse (2004), such groups are not fixed entities but flexible networks that adapt to semantic change and language use.

The identification of lexical-semantic groups allows linguists to analyze vocabulary as an interconnected system rather than a collection of independent items.

Types of Lexical-Semantic Relations

Synonymy

Synonymy refers to the relationship between words with similar or nearly identical meanings. Absolute synonymy is rare; most synonyms differ

in stylistic value, connotation, or distribution. For instance, synonyms often reflect distinctions in formality or emotional tone.

Synonymy contributes to expressive richness and enables speakers to select lexical items according to communicative intent. As Lyons (1995) argues, synonymy illustrates the multidimensional nature of meaning within the lexicon.

Antonymy

Antonymy denotes semantic opposition between lexical units. Antonyms may form binary pairs or represent gradable contrasts. This relationship plays a crucial role in structuring conceptual categories and expressing evaluation.

Antonymy supports logical organization in language and is frequently employed in argumentative and descriptive discourse (Murphy, 2003).

Homonymy

Homonymy occurs when two or more words share identical form but have unrelated meanings. Homonyms may coincide in pronunciation, spelling, or both. This phenomenon demonstrates the importance of contextual interpretation in meaning construction.

Although homonymy may lead to ambiguity, contextual and syntactic cues typically ensure successful communication (Crystal, 2008).

Polysemy

Polysemy refers to the presence of multiple related meanings within a single lexical item. These meanings are often connected through metaphorical or metonymic extension.

Polysemy represents a productive mechanism of lexical economy and semantic development, allowing languages to expand meaning without increasing lexical inventory (Saeed, 2016).

Semantic Fields

Semantic fields consist of lexical units related to a specific conceptual domain. Such groupings reflect cognitive categorization and are especially relevant in terminology studies and specialized discourse.

Semantic fields play a significant role in lexicography and language teaching by facilitating systematic vocabulary organization.

Linguistic and Applied Implications

Lexical-semantic word groups are essential for semantic modeling, lexicographic description, and discourse analysis. In applied linguistics, they

support vocabulary instruction, translation accuracy, and contrastive language analysis.

A systematic understanding of lexical-semantic relations enhances communicative competence and promotes more precise language use across contexts.

Conclusion

Lexical-semantic word groups constitute a foundational element of linguistic structure. They reveal the systematic organization of the lexicon and demonstrate how meaning is constructed through interrelated semantic networks. The analysis of synonymy, antonymy, homonymy, polysemy, and semantic fields provides valuable insights into the cognitive and communicative dimensions of language. Consequently, lexical-semantic analysis remains a central area of inquiry in contemporary linguistic research.

References:

1. Cruse, D.A. (2004). Lexical semantics. Cambridge University Press.
2. Crystal, D. (2008). A dictionary of linguistics and phonetics (6th ed.). Oxford University Press.
3. Lyons, J. (1995). Semantics. Cambridge University Press.
4. Murphy, M.L. (2003). Semantic relations and the lexicon. Cambridge University Press.
5. Saeed, J.I. (2016). Semantics (4th ed.). Wiley-Blackwell.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам СІ международной
научно-практической конференции*

№ 1 (101)
Январь 2026 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 19.01.26. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 3,875. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru